

Лица эпохи

Нина Петровна Останина, 24.12.1923 г.р., участница Великой Отечественной войны, награждена медалью "За победу над Германией", юбилейными медалями. Неоднократно поощрялась Генеральным прокурором СССР, прокурорами РСФСР и УАССР.

В органах прокуратуры Удмуртии трудилась с августа 1945 года по август 1980 года. Работала в должности секретаря прокуратуры Можгинского района (1945–46гг.), следователем прокуратуры Можгинского, Воткинского районов, г. Воткинска (1946–52гг.), старшим следователем прокуратуры УАССР (1952–60гг.), прокурором следственного отдела прокуратуры УАССР (1960–65гг.), старшим помощником прокурора УАССР по кадрам (1965–77гг.), старшим помощником по контролю исполнения, систематизации и пропаганде советского законодательства (1977–80гг.). С ноября 1992 по апрель 1997 г. работала в должности начальника отдела общего и особого делопроизводства.

Нина Петровна Останина 53 года своей жизни отдала прокуратуре. Не «отработала в прокуратуре», а именно – отдала свою жизнь этому делу. И когда она в рассказе о себе обронила фразу: «Такой уж я человек – государственный», то эти слова прозвучали как – то очень просто и уместно, и не было в них ложного пафоса или сожаления о вынужденной жертве «системе». И действительно, Нина Петровна – из того поколения советских людей, которые просто не мыслили себя вне жизни общества, строящего «светлое будущее для всех». И если с точки зрения сегодняшнего дня, возводящего в культ личное преуспеяние, жизнь этого поколения выглядит чем – то наивным, отсталым и достойным лишь сожаления, то надо иметь в виду, что и жизнь сегодняшняя для тех далеких дней выглядит либо унылой борьбой за выживание, «украшенной» мыслями о том, как прокормить себя и семью, либо лишенным смысла бегом наперегонки с суетой... И кто из них прав перед лицом истины?

В любом государстве, при любом общественном строе существует то Невидимое, что зовется верой, идеологией, системой ценностей, моралью и т.д. и т.п. Попытки установить это «Невидимое» официально, зафиксировать жестко и определенно, как правило, выглядят смешно и нелепо (в последние годы социализма, например, существовал так называемый «моральный кодекс строителей коммунизма» – мертворожденное дитя больной системы). Но необходимость этого «великого невидимки» чувствуют и власти, и простые граждане. Иногда он как бы исчезает из поля зрения, и создается иллюзия, что его не существует – например, жители государств с развитой системой демократии вряд ли задумываются о царствующей в их обществе идеологии и, скорее, будут отрицать ее существование вообще. Но разве пресловутая «американская мечта» – это не идеология, создаваемая и питаемая многие годы огромной массой людей – представителями средств массовой информации и культуры, системы образования, – да и всем образом жизни «общества потребления»? Развейте эту мечту – и жизнь миллионов лишится смысла, потеряет надежную опору... Общество, быть может, и устоит, но только тогда, когда найдет в себе силы создать новую «мечту»...

Наша страна имеет богатейший опыт культивирования совершенно особой идеологии. Результаты этого опыта можно оценивать по-разному, но нельзя не признать, что кое в чем этот опыт принес плоды весомые и удивительные. Власть заставила работать на себя вещи совершенно эфемерные — патриотизм, трудовой энтузиазм, идеалистические мечты о равноправии, общественной справедливости. И можно сколько угодно издеваться над идеалами социализма, но то, что удалось построить за эти годы, до сих пор поддерживает жизнь в нашей разрушающейся, умирающей экономике. По-сути, мы живем тем, что создали несколько поколений советских людей, работавших на износ, отдающих себя Делу, которое, казалось, необходимо для всеобщего процветания. На сколько хватит этого запаса?

Нина Петровна Останина даже на фронт пошла не по принуждению, а по зову сердца. В 1942-м году она закончила 10 классов, и через несколько месяцев, в 1943-м году по комсомольской путевке попросилась в

действующую армию. Ее отец был уже слишком стар, чтобы воевать, а младший брат — слишком молод. И Нина Останина чувствовала необходимость исполнить гражданский долг за свою семью в этом тяжелейшем испытании, выпавшем на долю ее Родины. Мать плакала, не понимая, куда и зачем идет ее дочь. И лишь многие годы спустя Нина Петровна поняла, что ее порыв мог закончиться не так благополучно и мирно, как закончился он для нее в 1945-м...

В эшелон, направляющийся в Москву и заполненный девчонкам из Свердловска, Перми, Ижевска, Нина села в своей родной Можге. По прибытии на место их рассортировали, помыли в бане, выдали чистое обмундирование. После медицинской комиссии большую часть девушек — новобранцев отправили в действующую армию, а Нина Останина и еще девять девчонок попали в гвардейскую часть противовоздушной обороны Москвы. К тому времени немцы были отброшены от столицы уже на 300 километров и командование резонно посчитало, что мужчины из ПВО более пригодятся на фронте, чем в тылу, и их можно заменить на женщин.

Новое пополнение было распределено по боевым расчетам, обслуживающим точки ПВО, которые состояли из прожектора и больших деревянных рупоров — звукоулавливателей. Техника по современным понятиям допотопная, но верой и правдой служившая в годы войны. Сам прожектор состоял из большого отражателя, над которым размещались два угольных электрода, питаемых электричеством от автомобиля, располагавшегося обычно в 10–15 метрах от окопа с прожектором. Не менее важной составляющей комплекса были и звукоулавливающие рупоры, перемещающиеся по горизонтали и вертикали и прослушивающие небо на предмет обнаружения работающих авиационных моторов.

Рупоры обслуживали так называемые «слухачи» — специально обученные солдаты в шлемофонах, трубки от которых тянулись к деревянным рупорам. В расчете были также девушки, вычисляющие по расположению рупоров ту точку в небе, куда нужно было направлять луч прожектора. А вообще в расчете одной боевой точки ПВО было 12 человек.

Часть, где довелось служить Нине Останиной, располагалась в 200-х метрах от Переделкино — знаменитого дачного поселка под Москвой. Служба была довольно спокойной,

если не считать одной боевой тревоги, когда весь состав части был поднят на ноги — эскадрилья немецких бомбардировщиков пыталась пробиться к столице и одному из них это удалось. Но этот прорыв был успешно ликвидирован нашими самолетами.

Долгожданный День Победы 9 мая запомнился Нине Петровне удивительным световым праздником, устроенным по приказу командования в ту минуту, когда по радио было объявлено о капитуляции фашистских войск в Берлине. «Луч — в небо!» — прозвучал приказ для всех точек противовоздушной обороны, стоящих под Москвой, и тысячи прожекторов устремили свои лучи в ночную высь, образуя частокол мощных световых столбов, упирающихся теперь уже в мирное небо...

А потом было участие в знаменитом Параде Победы на Красной Площади 24 июня 1945 года. Утро этого незабываемого дня выдалось дождливым, холодным и ветреным, но к вечеру распогодилось, и прожектор, который обслуживал расчет Нины Останиной, был выкачен на одну из улиц Москвы, чтобы устремить свой луч в сторону какой — то вышки, поднимающейся над крышами домов. Сотни других прожекторов по всей столице тоже светили туда, куда было велено, и это создавало удивительную праздничную иллюминацию на улицах гуляющей Москвы. Но самым поразительным зрелищем был огромный транспарант с портретом Ленина, поднятый в ночное небо аэростатами прямо над Красной Площадью — десятки прожекторов освещали его снизу, и он колыхался огромным ярким пятном на фоне черного небесного свода...

— А вот на работу в органы прокуратуры я попала, можно сказать, совершенно случайно.

В июле 1945 года меня демобилизовали из Красной Армии и я вернулась домой, в Можгу. Нужно было как — то устраиваться в гражданской жизни. Очень хотелось учиться, но в нашей семье был только один работник — отец, получал он очень немного, поэтому денег на учебу не было, и я пошла искать работу, чтобы как — то помочь нашей семье прокормиться.

Иду по улицам Можги, прохожу мимо здания районной прокуратуры. Вдруг навстречу — мои одноклассницы, с которыми не виделась почти два года. Радостные восклицания, расспросы, воспоминания... Когда же они узнали, что я ищу куда бы устроиться на службу, они тут

же потащили меня с собой в здание прокуратуры, где все и работали.

— Давай к нам секретарем! — возбужденно говорили они по дороге. — Давай, давай, не пожалеешь! Если примут на эту должность, то можешь поступить учиться заочно в юридический ВУЗ...

(Но перед тем, как подавать документы, Нина должна была посоветоваться с отцом — все важные вопросы в семье решались только с его согласия).

— Пришла домой, рассказала отцу о том, что меня приглашают на работу в районную прокуратуру. Он выслушал молча, ничего не сказал. Только на следующий день отправился за советом к своему лучшему другу — Васе Куропаткину, жившему недалеко от Можги в деревне Чумойтло, в той самой деревне, где когда — то жили и мы, и где я родилась.

Отец рассказал своему другу, что его дочь собирается работать в прокуратуре и спросил, что он думает об этом. Вася помолчал немного и степенно сказал: «Ничего. Авторитетная организация».

Вечером отец Нины пришел домой и дал согласие на работу дочери в прокуратуре:

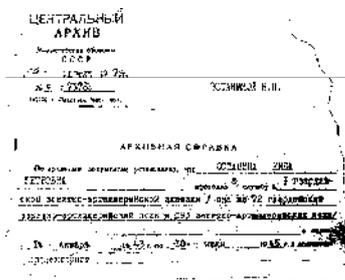
— Ладно, устраивайся. Вася Куропаткин тебе «добро» дал.

Сразу же после поступления на должность секретаря Нина Останина подала документы в Казанский юридический институт на заочное отделение. В аттестате Останиной были одни «пятерки» и проблем с поступлением в ВУЗ не возникло. Правда, секретарем Нине пришлось поработать недолго — уже в ноябре 1945 года она была назначена следователем в Можгинскую районную прокуратуру, а через год ее перевели в город Воткинск.

Вскоре тяжело заболела ее мама. Нине приходилось каждый месяц ездить домой, чтобы обиходить свою мать, помыть в бане, постирать, убратся по дому. Все просьбы Останиной о переводе ее поближе к дому были отвергнуты — мест в Можге не было, а бросить свою работу, уволиться и сидеть около матери не позволяла совесть — как же можно оставить государственную службу?! И снова эта удивительная для нашего времени

самоотверженность, когда общественное ставится выше личного...

— Жизнь тогда была совсем другая, — вспоминает Нина Петровна. — И законы иногда издавались просто устрашающие. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года, согласно которому за хищения государственного имущества даже в очень небольших размерах давали несоразмерные сроки. Помню, в Воткинске работница чайной украла 200 граммов чая — ей дали 6 лет. Мужчина работал грузчиком на заводе, его бригада перевозила подсолнечное масло. Отлил себе 200 граммов. Когда пришли к нему домой — голо и бедно, 6 человек детей. Дали 7 лет. Правда, часто таких людей освобождали по амнистии, редко кто из них сидел полностью свой срок, но указ — то был, его никто не отменял, и нужно было исполнять его. А вообще в работе следователя самое тяжелое — объявлять человеку о том, что он арестован... Рецидивистов не жалко, а вот проходящих по хозяйственным делам, таких, как та работница чайной или тот мужчина, своровавший несколько граммов масла, чтобы накормить детей — вот их было жаль до слез.

На пенсию Нина Петровна Останина ушла в 1983 году, но не прошло и месяца после ее торжественных проводов, как тогдашний прокурор республики Походин вновь пригласил ее на работу. И Нина Петровна не отказалась — уж такой она человек — ответственный и безотказный. Целых 14 лет работы (до 1997 года) в спецотделе и на должности секретарши, не за деньги, — зарплата была 70 рублей, — а за идею...

Так уж устроен человек — ему надо во что-то верить. И когда мы спросили, во что верит Нина Петровна Останина, она, не задумываясь, ответила:

— В работу. А во что же еще можно верить? В накопительство, в богатство, во власть? Веры проходят, а работа остается.

Десятый класс,
1942 год.

С фронтовой подругой.

На страже Закона. 1972 г.